

Песни западных славян

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием *La Guzla, ou choix de Posies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzgowine* 1. Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С.А.Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Scto s bieli u gorje zeleno
Che mai biancheggia nel verde Bosco
Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозитя
И в Стамбул отослать ее хочет.
Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.
Не сова воет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божью церковь.
Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божью входит.
Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку² ему достягает...
Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы.³
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он наголо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.
Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленях,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленях,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный фалангой⁴.
И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами
И промолвил потом Радивою:
Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-христиан беглербеем⁵.
И отступник бил челом султану,

Трижды пол окровавленный целуя.
И султан прислужников кликнул
И сказал: Дать кафтан Радивою!⁶
Не бархатный кафтан, не парчовый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного.
Бусурмане на короля наскочили,
Донага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожей Радивоя.
Громко мученик господу взмолился:
Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!
При сем имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло будто не бывало.
И король ощупью в потемках
Коё-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.
Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба⁷,
И пошли бусурмане на приступ.
Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?
Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный,
С той поры, как Кирила умер.
В церкви Спаса они братовались,⁸
И были по богу братья;

Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.
Веселое было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побрались.
Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.
Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно.
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.
Помолившись, он опять ей молвил:
Посмотри, что ты видишь в окошко?
И жена, поглядев, отвечала:
Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою.
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.
Помолясь, он опять жене молвил:
Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?
И жена, поглядев, отвечала:
Вижу я на реке сиянье,

Близится оно к нашему дому.
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.
Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: Возьмите нас с собою:10
Мы хотим воевать бусурманов.
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: Милости просим!
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать11.
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки;12
Но лишь только заржали их кони
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям.
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар13 с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от селихтара.
Всех-то нас оставалось двадцать,

Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать;
Закричал Георгий Радивою:
Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из гибели вымчит.
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Подделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!
Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: Ступай на кладбище,
Отыщи под камнями жабу
И в горшке сюда принеси мне.
На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под камнями жабу¹⁴
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареши такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать спелую сливу.
И Стамати мальчику молвил:
Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок.

Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.
Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодежи,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе все шевелилась.
Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
Что скажу я милому мужу?
Круглый год проходит, и Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
Где ж Елена? наконец он молвил;
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.
Пришел он в дом свой, и видит,
На постеле сидит его Елена.
Встань, Елена, говорит Феодор.
Она встала, он взглянул сурово.
Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди.
Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
Не сгублю я невинного младенца,

Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея.
Распорол он мертвое тело.
Что ж! на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.
Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:
Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.
И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.
Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.
Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротишься в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.
И тогда-то играй себе на гусях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь.
Я послушался лукавого далмата.

Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.
Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.
Как у нас бывало кого встречу,
Слышу: Здравствуй, Дмитрий Алексеич!
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.
В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич¹⁶.
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выйти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
Господь бог! помилуй наши души!
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очитирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую мать,
Будто волк на спящую козу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:

Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих¹⁷.
Хризич встал и промолвил; Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда.
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили,
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.
С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.
Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.
Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!
Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, и сына Яна
Мне хозяйка родила.
Деду в честь он назвав Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.
Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.
У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
Это что под горою там видно?
Отвечает Марко Якубович:
То кладбище наше родовое.
Говорит незнакомый прохожий:
Отдохнуть мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго.
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
Три дня, молвил, ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин.
Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле.
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.
Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу

И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Все лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,
Посмотрел на ребенка и молвил:
Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака¹⁹, поверь мне.
Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят, труп румяный и свежий,
Ногти выросли, как вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трескали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.
Калуер могильною землею²⁰
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий.
Вдруг собака громко завывала,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.

Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.
На другие сутки в ту же пору
Лес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марка;
Но старик молитвой его прогнал.
В третий день вошел карлик малый,
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.
Черногорцы? что такое?
Бонапарте спросил.
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?
Так раскаются ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам.
Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.
Нам сдаваться нет охоты,
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...
Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем,

Вот они вступили в горы,
Истребляя все кругом.

Идут тесно под скалами.
Вдруг смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.
Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!
Ружья грянули, упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.
Дружным залпом отвечали
Мы французам. Это что?
Удивясь, они сказали,
Эхо, что ли? Нет, не то!
Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.
И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.
Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота
Рано молодца женили;
А вторая-то забота
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота
Красну-девицу со мною

Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.
Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?
Отвечает Георгий угрюмо:
Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи.
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово.
Старый Петро не слушает, грозитя:
Вот ужо, разбойник, тебе будет!
Сын ему вперед забегают,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий

И хватает за сивую косу.
Воротись, ради господ бога:
Не введи ты меня в искушение!
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
Помоги мне, Георгий, я ранен!
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстречу.
Что, Георгий, куда делся Петро?
Отвечает Георгий сурово:
За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге²¹.
Догадалась она, завопила:
Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.
Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали,
Уж и им нестерпимо насилие.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, цыганы?
Или вы не мужчины, старухи?
Вы бросайте ваши белые дома,

Уходите в Велийское ущелье,
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.
Трусават был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.
Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит,
Кто-то кость, ворча, грызет.
Ваня стал; шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.
Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.
Что же? вместо вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.
Два дубочка выросли рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выросли,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула.
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,

Чтоб сестра омерзела братьями?
Отвечает Радулова любя:
По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость.
Вот пошла Павлиха к водопою
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного.
Стал Елицу допытывать Павел:
За что это? скажи бога ради.
Сестра брату с плачем отвечает:
Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола.
Стал Елицу допытывать Павел:
За что это? скажи бога ради.
Сестра брату с плачем отвечает:
Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:

Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченный.
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченный.
Из ножен вынул его Павел,
Нож злаченный весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?
Сестра брату с плачем отвечает:
Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части.
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха все хворает,
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
Слышишь ли, господин ты мой, Павел,

Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся.
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья.
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих коней
И пусти их по чистому полю.
Своей любви послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих коней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Воров конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленькой мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.
Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча

И поехал своею дорогой.
Как одна осталась Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье надвое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.
Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеную воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка,
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?
Отвечает ему Водяница:
Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей.
Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,

Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слышал, что она потонула.
Отвечает ему Водяница:
Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба.
Водянице молвил королевич:
Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом.
Они после того расстались.
Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полюблю тебя крепко.
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,

Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, с молодой женою?
Отвечает Яныш королевич:
Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит.
Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?
Отвечает конь печальный:
Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока.

1 Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

2 Щиколодка, по московскому наречию щиколка.

3 Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

- 4 Фаланга, палочные удары по пятам.
- 5 Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.
- 6 Кафтан, обыкновенный подарок султанов.
- 7 Анахронизм.
- 8 Трогательный обычай братования, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.
- 9 Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.
- 10 Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.
- 11 Жида в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. Мериме.
- 12 Банялука, прежняя столица Боснийского пашалыка.
- 13 Селихтар, меченосец.
- 14 Все народы почитали жабу ядовитым животным.
- 15 Мицкевич перевел и украсил эту песню.
- 16 Гайдук, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.
- 17 Западные славяне верят существованию упырей (vampire). См. песню о Марке Якубовиче.
- 18 Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусле Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.
- Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fit aussi pote; car la plupart ne font que rpter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur faon.
- Notre pote est n Zuonigrad, comme il le dit lui-mme dans sa ballade intitule L'Aubpine de Veliko. Il tait fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'tre donn beaucoup de mal pour son ducation, car il ne sait ni lire ni crire. A l'ge de huit ans il fut enlev par des Tchingnehs ou Bohmiens. Ces gens le menrent en Bosnie, o ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart.1) Un ayan ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit son service, o il passa quelques annes.
- Il avait quinze ans, quand un moine catholique russit le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il tait dcouvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine se dcider

quitter un matre assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son matre, avec quelques sequins qu'il put drober. Le moine, qui l'avait rbaptis, l'accompagna dans sa fuite, que peut-tre il avait conseille.

De Livno Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvrent bientt sous la protection du gouvernement vnitien et l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa premire chanson: il clbra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commena sa rputation. 2)

Mais il tait sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donn peu de got pour le travail. Grce l'hospitalit morlaque, il vcut quelque temps de la charit des habitants des campagnes, payant son cot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cur. Bientt il en composa lui-mme pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre ncessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fte si Maglanovich et sa guzla n'en taient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais t Zuonigrad depuis son enlvement. A vingt-cinq ans c'tait un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus pote et musicien clbre; il tait bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il prfrait se nommait Marie et tait fille d'un riche morlaque, nomm Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espce de seigneur du pays, nomm Uglian, lequel eut connaissance de l'enlvement projet. Dans les murs illyriennes l'amant ddaign se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'tre jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlvement, il parut accompagn de deux de ses domestiques, au moment o Marie tait dj monte sur un cheval et prte suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrter d'une voix menaante. Les deux rivaux taient arms suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait pous sa querelle, et il n'aurait pas quitt le pays pour si peu de chose; mais il tait sans parents pour l'aider, et il restait seul expos la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, o il s'associa avec des heyduques³).

Il vcut longtemps avec eux, et mme il fut bless au visage dans une escarmouche avec les pandours⁴). Enfin, ayant gagn quelque argent d'une manire assez peu honnte, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'tablr dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants. Sa maison est prs de Smocovich, sur le bord d'une petite rivire ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est

toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les heyduques, sans toutefois prendre part leur dangereux mtier.

Je l'ai vu Zara pour la premiere fois en 1816. Je parlais alors trs facilement l'illyrique, et je dsirais beaucoup entendre on pote en rputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas***, avait rencontr Biograd, o il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait dj, et sachant qu'il allait Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspir que lorsqu'il tait peu prs ivre. Hyacinthe avait alors prs de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son ge, les paules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basane; ses yeux sont petits et un peu relevs du coin; son nez aquilin, assez enflamm par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est trs extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'il en recevant cette blessure. Sa tte tait rase, suivant l'usage presque gnral, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vtements taient assez vieux, mais encore trs propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans crmonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez mprisant. Je lui rpondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient t extrmement vantes. Bien, bien dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasi. Nous dinmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jen quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidit. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui taient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrive, remplissaient son verre chaque instant. Nous esprions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaises, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompe. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis prs du feu (nous tions en dcembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y et moyen de le rveiller.

Je fus plus heureux, une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a d tre fort belle; mais alors elle tait un peu casse. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beaut sauvage, qu'un peintre aimerait exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une faon trange: il demeurerait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitt

Zara pour retourner chez lui; mais en mme temps je m'aperus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son dpart precipit, taient pendus dans ma chambre. Je dois dire sa louange qu'il aurait pu emporter galement ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, o il me reut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits-enfants me sautrent au cou et quand je le quittai, son fils an me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me ft possible de lui faire accepter quelque rcompense.

1) Tous ces dtails m'ont t donns en 1817 par Maglanovich lui-mme.

2) J'ai fait de vains fforts pour me la procurer. Maglanovich lai-mme l'avait oublie, ou peut-tre eut-il honte de me rciter son premier essai dans la posie.

3) Espce de bandits.

4) Soldats de la police.

19 Вурдалаки, вудкодлаки, упыри, мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

20 Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

21 По другому преданию, Георгий сказал товарищам: Старик мой умер; возьмите его с дороги.

22 Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

23 Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

Гузла, или сборник иллирийских стихотворений, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине (франц.).2

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно, Гузлу я написал по двум мотивам, во-первых, я хотел посмеяться над местным колоритом, в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объяснения второго мотива мне необходимо рассказать вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию разумеется, на карте где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта несравненная скорбь, как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то,

чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял соби́рание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов; выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составилась томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный местный колорит: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки настоящие свиньи, и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: *De'costumi dei Morlachi*¹⁾ из Путешествия по Далмации Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относительно некоторых мест все еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший со стихотворного перевода аббата, еще более опoэтизировав его в своей прозе, прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: *Scto se bieli u gorje zeicno*²⁾, Фортис перевел: *Che mai biancheggia nel verde Bosco*³⁾. Нодье перевел *Bosco* зеленеющая равнина; он промахнулся, потому что, как мне объяснили, *gorje* означает: гора. Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и пр. (франц.)

1) О нравах морлаков (итал.).

2) Что белеет на горе зеленой (серб.).

3) Что же белеет в зеленой роще (итал.).

Иакинф Магланович единственный мне знакомый гусяр, который в то же время был поэтом; большинство гусяров повторяют старые песни или самое большее сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой и связывая все это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звониграде, как он сам говорит об этом в балладе

Боярышник рода Велико. Он был сын сапожника, и его родители, по-видимому, не сильно беспокоились о его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен чинженегами, или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучили своим штукам и без труда обратили его в магометанство, исповедуемое большинством среди них¹). Один айан, или старшина, в Ливно отобрал его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть посаженным на кол в случае обнаружения этого, ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отмстить за дурное обращение. Однажды ночью, в в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, не больше чем миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню; он воспел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность²).

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не слишком был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, оплачивая им пением какой-нибудь заученной им старой песни. Вскоре он сам сочинил несколько новых песен на случай свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что праздник был не в праздник, если на нем не было Маглановича с его гузлой.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доныне осталась неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звониграде.

В двадцать пять лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведал о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя

слугами в ту минуту, когда Мария уже села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков; но он был одинок, против него готовая на месть вся семья убитого. Он быстро пришел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам³).

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами⁴). Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Каттаро с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой; он же вечпо в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай ***, встретил в Белграде месте своего жительства Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, я, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гусяра, то должен сперва подпоить его; ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это высокий человек, еще крепкий и сильный для своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, все это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и послал он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: Так вы говорите по-иллирийски. Я отвечал немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили. Ладно, ладно, отвечал он, но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что когда этот

необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз: я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его был прежде хорош, но тогда он был немного разбит.

Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он расстался со мною довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить к его чести, что он мог равным образом унести и мой кошелек, и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел два дня в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение (франц.).

1) Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

3) Род разбойников.

4) Полицейские солдаты.